

На правах рукописи

ГАНЦЕВА Диана Валерьевна

Андрей Соболев: творческая биография

Специальность 10.01.01 – русская литература

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Ганцева' (Gantseva), slanted upwards to the right.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2002

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века
в Уральском государственном университете им.А.М.Горького

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор М.А.Литовская

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Н.П.Хрящева
кандидат филологических наук, доцент
И.В.Савельзон

Ведущая организация:

Тюменский государственный университет

Защита состоится 27 марта 2002 г. в 11 часов
на заседании диссертационного совета Д.003.78.03 по защите дис-
сертаций на соискание ученой степени доктора филологических
наук в Уральском государственном университете им.А.М.Горь-
кого (620083, г.Екатеринбург, К-83, пр.Ленина, 51, ком.248)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Уральского университета

Автореферат разослан 27 февраля 2002 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, доктор филологических наук,
профессор

М.А.Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. В литературных исследованиях последних лет отчетливо проявляются две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, значительную роль играют типологические работы, выявляющие основные направления литературного развития, прослеживающие динамику определенных художественных течений и стилевых тенденций (М.М.Голубков, В.В.Заманская, Н.Л.Лейдерман, И.Н.Сухих, В.В.Эйдинова, и др).

С другой стороны, ведется активное накопление и введение в научно-исследовательский оборот материала, ранее недоступного или попросту изъятото по идеологическим и иным соображениям. Предпринимаются попытки описания состава литературы начала XX века, внутрилитературных связей и общекультурного контекста, обусловившего движение литературного процесса. Этим вызвано появление ряда работ, посвященных как рассмотрению конкретных явлений литературной жизни, анализ которых позволяет выявить специфические закономерности литературного процесса первой трети XX века (Г.А.Белая, М.М.Гаспаров, В.В.Заманская, Д.М.Фельдман и др.), так и исследованию творчества отдельных писателей, оказавших существенное влияние на формирование художественного сознания и языка эпохи (Г.Г.Амелин, А.К.Жолковский, Л.Ф.Кацис, В.Я.Мордерер, А.В.Михайлов, М.О.Чудакова, М.Б.Ямпольский и др.).

Создание объективной картины историко-литературного процесса требует не только исследования художественного наследия писателей так называемого первого ряда (М.Булгаков, Е.Замятин, И.Бабель, М.Горький, А.Толстой, В.Маяковский, С.Есенин, О.Мандельштам и др), но и переосмысления творчества авторов, не осуществивших значительных прорывов в своем творчестве, составлявших ту литературную среду, которая обозначала проблематику времени, устанавливала критерии и

ориентиры, в определенной степени задавала направление и степень влияния литературы на духовную жизнь общества в целом (С.Ауслендер, Л.Гумилевский, С.Григорьев, В.Зазубрин, М.Козырев, Н.Ляшко, А.Малышкин, С.Малашкин, А.Неверов, Н.Никитин, Л.Островер, А.Тарасов-Родионов, О.Савич, С.Семенов, Ю.Слезкин, Д.Стонов, А.Яковлев и др.)

Тем более актуальным представляется нам обращение к фигуре Андрея Соболя, писателя, не ставшего в 1910-1920-е гг. законодателем литературной моды, но в жизни и творчестве которого отчетливо прослеживаются значимые веяния времени. Наше внимание к личности именно этого писателя обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, творчество А.Соболя до сих пор не изучено, хотя его имя постоянно упоминается в различных работах по истории литературы 1920-х годов. Обращение именно к этой фигуре литературного процесса тем более важно, что современники писателя отмечали удивительную типичность его творчества для художественного сознания времени. Таким образом, исследование творчества А.Соболя есть одновременно и исследование "срединного" художественного сознания эпохи. Во-вторых, обращение к творчеству А.Соболя весьма продуктивно с точки зрения социологии литературы, так как позволяет нам говорить о художественных приоритетах и литературных вкусах читающей публики 1910-1920-х гг. В-третьих, исследование биографии А.Соболя, в частности его деятельности в литературных и окололитературных кругах, где он занимал весьма достойное место, добавляет новые факты в изучение общего историко-литературного процесса. А тексты А.Соболя, сохранившие не только массу бытовых подробностей жизни пореволюционной эпохи, но и само "прерывистое и неровное дыхание времени"¹, могут быть интересны и в сугубо историческом аспекте.

В нашей работе *впервые* предпринимается попытка целостного рассмотрения творчества А.Соболя в его связи с биогра-

1. Соболев Ю. Жертва поколения — А.Соболь. РГАЛИФ.860 оп 1. ед.хр. 681.

фией и личностью писателя. Явление литературной жизни, прежде чем оно будет вписано в определенный контекст и займет свое место в общих исследованиях литературного процесса, само по себе требует подробного описания как исторически развивающееся и обладающее некоторыми специфическими чертами. Отсутствие сколько-нибудь цельной биографии писателя, необходимость хронологически расположить его опубликованные и неопубликованные произведения, одновременно дать характеристику его текстам побудили нас обратиться к традиционному для недавнего времени жанру критико-биографического очерка, который, по словам А.Саакянц, позволяет "проникнуть в творческую и житейскую психологию творца, рассказать о его быте и бытии, о его трудах и днях одномоментно"¹. Наш выбор был обусловлен рядом причин. Во-первых, отсутствием сколько-нибудь систематизированных сведений о жизни и творчестве А.Соболя; во-вторых, необходимостью в общих чертах наметить творческую эволюцию и ее характер, в-третьих, дать очерк наиболее значимых произведений писателя.

Новизна нашего исследования обусловлена тем, что в работе предпринята первая в отечественном и зарубежном литературоведении попытка систематизации всего корпуса художественных и публицистических произведений А.Соболя в контексте его биографии; введением в научно-исследовательский оборот целого ряда текстов А.Соболя, как малоизвестных, опубликованных в периодической печати и разрозненных сборниках 1910-1920-х гг. или находящихся в рукописях в архивных фондах, так и совершенно неизученных и долгое время считавшихся утраченными; предложенной интерпретацией творчества этого писателя как динамического целого.

Цель диссертации состояла в том, чтобы попытаться представить творчество А.Соболя как закономерно развивавшееся целое, проследить его эволюцию в биографическом и историко-литературном контексте. Для этого необходимо было решить

1. Саакянц А. М. Цветаева. Жизнь и творчество. М., 1997, с.5.

следующие **задачи**: 1) провести биографическое исследование и составить краткое описание жизни и творчества А.Соболя; 2) на материале художественных и публицистических произведений проследить эволюцию взглядов писателя; 3) выявить изменения литературно-художественных предпочтений, происходящих под влиянием внутренних (личностных) и внешних, в первую очередь, общественно-литературных факторов; 4) рассмотреть динамику индивидуального творческого процесса; 5) попытаться по возможности вписать А.Соболя в общественно-политический и историко-литературный контекстуальные пласты эпохи.

Постановка целей и задач обусловила и **структуру** нашей работы, выстроенной по хронологическому принципу и состоящей из введения и двух глав, в первой из которых рассматривается дореволюционное творчество А.Соболя, во второй — литературная деятельность писателя в 1920-е гг., заключения, списка использованной литературы, включающего в качестве одного из разделов библиографию произведений А.Соболя и литературно-критических работ о нем, и приложения "Основные факты жизни и творчества А.Соболя", наличие которого обусловлено необходимостью реконструировать жизненный путь писателя, до сих пор изобилующий белыми пятнами.

Теоретическая значимость работы. Материалы и результаты диссертации могут быть использованы при чтении курсов истории русской литературы первой трети XX в., а также спецкурсов и спецсеминаров по творчеству писателей 1920-х гг.

Апробация работы. Отдельные положения работы были представлены в докладах на семи городских, зональных и международных конференциях в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Москве и Иерусалиме (Израиль), а также в пяти публикациях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяются его цели и задачи, научная новизна, обозна-

чаются методологические принципы, дается общая характеристика состояния изучения творчества А.Соболя. По признанию современников, А.Соболь — "художник редкой интимности, творчество которого было непосредственным — мучительно-взволнованным и болевым — самораскрытием его внутреннего "я"¹ (Д.Горбов). Соотнесение жизни и текста, биографии и творчества лейтмотивом проходит через немногочисленные историко-литературные исследования и воспоминания об А.Соболе: "...жизнь его была сложным путаным романом"² (М.Осоргин); "Биография А.Соболя напоминает приключенческий роман"³ (В.Костырко); "подлинную, исчерпывающую разгадку трагедии Соболя могут нам дать его произведения"⁴ (Д.Горбов). Эта взаимосвязь была установлена и самим А.Соболем в его предсмертном письме: "Вся моя жизнь — это рассказ о том, как все получилось наоборот. Настоящий рассказ. И я его удачно кончаю"⁵. Именно поэтому исследование творчества этого писателя представляется нам невозможным без обращения к его биографии, тем более, что его жизненный путь при всей уникальности весьма типичен для своего времени.

Еврейский мальчик из богатой семьи, вынужденный после смерти отца терпеть нужду и учиться в бесплатном еврейском училище, экстерном сдавший экзамены за несколько классов гимназии, прошедший путь революционного агитатора (1902-1906 гг.), каторжника (1906-1909 гг.), террориста (1910-1912 гг.), бурлака (1911 г.), политического эмигранта (1909-1915 гг.), уполномоченного Земсоюза (1916 г.), комиссара (1917 г.), журналиста (1917-1926 гг.), в скитаниях своих охвативший чуть ли не весь континент, в 1910-1920-х годах Андрей Соболев стал популярным писателем и авторитетным литературным деятелем (секретарь Союза

1. Горбов Д. Дневник обнаженного сердца // Красная новь. — 1926. — №8. — с.198.

2. Осоргин М. Трагедия писателя // РГАЛИ ф.2482. оп.1. ед.хр. 81.

3. Костырко В. Эсер с чувством прекрасного. www.vesti.ru/2001/05/24/990708419/html.

4. Горбов Д. Дневник обнаженного сердца // Красная новь. — 1926. — №8. — с.198.

5. Соболев А. Предсмертное письмо, адресованное Ю.Соболеву, В.Лидину, Н.Ашукину. РГАЛИ. ф.860. оп.1. ед.хр.524.Л.7-8.

писателей с 1922г). Анонсы его произведений печатались в толстых журналах, сборники рассказов, несмотря на неодобрительные рецензии, переиздавались, четырехтомное собрание сочинений выдержало два издания подряд в 1927 и 1928 годах, а читатели в журнальных анкетах о самых читаемых и любимых авторах ставили его имя рядом с С.Есениным¹. Однако уже в 1930-е годы творчество писателя было забыто отчасти из-за идеологически жесткой критики, которая заклеила Соболя "правым попутчиком" и обвинила в упаднических настроениях, отчасти потому, что произведения А.Соболя касались актуальных тем и проблем современной ему жизни, которые оказались невостребованными новым поколением читателей, отчасти из-за того, что избранный им художественный язык воспринимался уже как устаревший.

В восприятии критики, как начала века, так и современной, Андрей Соболев предстает одним из многих, но хороших писателей, частью общего потока литературы "о времени и о себе", упоминается среди имен более или менее известных, но не удостоенных пристального внимания. Литературная критика 1910-1920-х гг. реагировала на текущие публикации А.Соболя и стремилась определить место писателя в современном историко-литературном контексте (Г.Горбачев, Д.Горбов, П.Жаров, А.Лежнев, А.Придорогин, Ю.Соболев и др.), рассматривая его творчество преимущественно в проблемно-тематическом аспекте. Наиболее полно творчество А.Соболя раскрыто в монографических статьях Д.Горбова и Зел.Штейнмана, которые в 1926г. предприняли первую, и пока единственную, попытку целостного взгляда на творчество писателя, на материале ключевых произведений определяя основные особенности его творчества. В 1980-1990-е гг. на волне интереса к трагическим судьбам забытых писателей прошлых лет имя А.Соболя вновь стало появляться на страницах популярных общественно-публицистических и литературных журналов, в обзорных работах по истории рус-

1. См.: Плесков В. На трудном пути. (Памяти А.Соболя) // Каторга и ссылка. — 1926. — №5. — с.234.

ской литературы 1920-х гг. (Е.Добренко, Д.Фельдман, М.Чудакова) и русско-еврейской литературы (Ш.Маркиш, В.Хазан), а также в сравнительных исследованиях творчества современных ему писателей (М.Литовская, М.Чудакова). Однако во всех перечисленных исследованиях фигура А.Соболя не является центральной, а лишь служит неким примером, иллюстрирующим тот или иной тезис автора. Такой несколько односторонний подход к исследованию творчества А.Соболя позволяет подробно рассмотреть его отдельные аспекты, однако не дает целостного представления о развитии творческой индивидуальности писателя и его роли в литературном процессе.

Первая глава работы посвящена творчеству А.Соболя 1900-1910-х годов. В первом параграфе объектом рассмотрения становится ранняя лирика писателя. Обращение к ранним поэтическим опытам А.Соболя как к первой попытке творческой самореализации позволяет в некоторой степени реконструировать внутренний мир писателя в юные годы, а также дает нам возможность проследить истоки художественной системы, сформировавшейся в его последующих прозаических произведениях. Эти стихотворения, видимо, являлись для А.Соболя своеобразной формой личного дневника, поэтому в них нашли свое отражение социальные проблемы, волновавшие современников, некоторые течения общественной и политической жизни той поры, и культурные доминанты сознания поколения рубежа веков, что привносит новые штрихи в картину литературной и общественной жизни России этого периода.

В 1904 г. А.Соболь примыкает к возникшему в начале века направлению сионистской поэзии (Л.Яффе, С.Маршак, С.Фруг и др.), центральное место в которой занимает тема борьбы за счастье своего народа, за землю предков. Погруженность в свой внутренний мир, юношеская очарованность собственными страданиями и безысходностью, свойственные первым поэтическим опытам, сменяются обращением к проблемам и бедам еврейского народа, осознанием своего места и своей роли в его жизни

(цикл "Песни из голуса", "Раскаяние" и др.). Однако при всей отчетливости сионистской направленности тематики стихотворений А.Соболя, все они выдержаны в русле народно-демократической поэзии рубежа XIX — XX вв. Сюжетные линии и образные ряды этих стихотворений весьма характерны также для поэзии, только начавшей осваивать идеи национальной и гражданской свободы. В стилевом отношении следует признать, что сионистские стихотворения А.Соболя — характерный пример поэзии "палестинофилов" (Х.Зингер, И.Левит и др.), пытающихся писать о своем народе в рамках русской литературы и неизбежно сталкивающихся с проблемой "обрусения" еврейской темы.

В своих попытках стать поэтом А.Соболь бросается из крайности в крайность, ища себя то в народно-демократической, то в сионистской тематике, переходя от юношеского "байронизма" к популярным изыскам модернизма. В своей эмигрантской лирике (1909-1911 гг.) А.Соболь полностью отходит от социальной и гражданской тематики, обращаясь к изображению интимных переживаний и перипетий внутренней жизни лирического героя. На первый план, как и в самых ранних стихотворениях, выходят мотивы одиночества, тоски, сна-смерти и сладких грез, дарующих забвение. В стихотворениях "Напевы моря", "В тиши лесов, в тени долин...", написанных после длительной ссылки, существования вне литературной среды, А.Соболь словно примеряет на себя новые поэтические фасоны, вошедшие в моду за время его отсутствия. Прежде всего он улавливает то, что у всех на слуху, что либо наиболее часто используется, либо исходит из известного и авторитетного источника. Эта своеобразная "примерка" идет как на уровне содержания, так и на уровне формы. В стихотворениях А.Соболя 1910-1911 гг. проявляются темы и мотивы, традиционные для поэзии первого десятилетия XX века, например, тема города, который воспринимался как каменный многоэтажный монстр, разрушающий гармонию природного мира (В.Брюсов "Сумерки", 1906; "Замкнутые", 1900-1901; А.Блок "Вечность бросила в город...", 1904; "Город в красные пре-

делы...", 1904; А.Белый цикл "Город", 1904-1909). Активно использует Соболев и средства из арсенала поэтики модернизма: многочисленные повторы ("Напевы моря. Первый напев"), нарушение привычного словоизменения ("зовы", "миги"), оксюмороны ("жгучая волна"), и "зовы", и "миги", и "белые платья", и "струи жемчужные", и "чары", и "бездны", и "тени ночные", и "лунную мечту" и другие "слова-сигналы" (М.Гаспаров), знакомые нам по произведениям тех же В.Брюсова, А.Блока, А.Белого, и, по мнению М.Гаспарова, "достаточные для опознания принадлежности стихотворения к новому направлению"¹.

А.Соболю не удалось достичь в поэзии значительных высот. Он остался в ряду малоизвестных авторов массовой поэзии, ориентирующихся на следование образцам. Видимо, он и сам прекрасно это осознавал, именно поэтому не стремясь публиковать свои стихотворения. Однако в общем контексте творчества писателя ранние поэтические опыты сыграли значительную роль. Они стали школой владения поэтическими приемами, что отразится на языке и стиле его рассказов и повестей; во многом определили тематику и мотивную структуру его последующих произведений; проявили наиболее устойчивые координаты художественного мира, закрепившиеся затем и в прозаических произведениях.

Во втором параграфе рассматривается проблематика произведений А.Соболя 1910-х годов. Свои творческие поиски А.Соболев начинает с художественного освоения того пласта действительности, который был ему наиболее знаком и близок, и в первых своих произведениях обращается к наиболее актуальным для него проблемам, прежде всего связанным с его национальной принадлежностью. В творчестве А.Соболя можно выделить целый ряд произведений на еврейскую тему: роман "Пыль" (1914), рассказы "Мои сумасшедшие" (1913), "Человек с прозвищами" (1913), "Мендель-Иван" (1914), "Тихое течение" (1918), "Вскользь" (1909-1916), "Встань и иди" (1918), "Погреб" (1922), "Перерыв"

1. Гаспаров М. Поэтика «серебряного века». // Русская поэзия Серебряного века. 1890-1917. М., 1993. С.19.

(1923), "Счет" (1923-1925), повести "Песнь песней" (1915), "Печальный весельчак" (1926) и др. Они не объединены в циклы, но отмечены содержательной общностью. Практически каждое произведение А. Соболя, героем которого является еврей, — это драма личности с раздвоенным, "разломанным" сознанием.

В произведениях Андрея Соболя проблема национальной самоидентификации — это не просто вопрос об отнесении себя к той или иной нации, но серьезная мировоззренческая проблема, решая которую герой определяет свое место в этом мире, пытается сохранить внутреннюю духовную целостность. Поскольку его герой изначально существует на грани культур, времен, среди языков, в состоянии постоянного пересечения границ (от умозрительных межнациональных и межкультурных до фактических границ "черты оседлости"), где групповая культурная и национальная идентификация постоянно противоборствует с личностной, то его основной признак — это стоящая перед ним неразрешимая проблема выбора "своего" и "чужого" и постоянный вопрос о самоидентификации, национальной, культурной и личностной. В рассказе "Мендель-Иван" перед нами драма старого еврея, оказавшегося среди уголовников и вынужденного приспособливаться к обстоятельствам, изменять своим убеждениям и отступаться от традиций и правил, составляющих основу его мироощущения. Герой рассказа "Песнь песней", столкнувшись в интеллигентной среде с определенным стереотипом ожидания, должен выбирать: либо в русском обществе подстраиваться под шаблонизированный образ ассимилированного еврея, либо оставаться самим собой со своим народом. Выбор Боруха не грозит ему скорбной участью, но является серьезным мировоззренческим шагом. И, наконец, наряду с героями, укорененными в традиции, в романе "Пыль" появляется образ еврея-террориста, настолько утратившего связь со своим народом, что он кажется ему чужим.

Постоянно обращаясь к теме еврея в России, рассматривая ее на материале судеб своих героев, А. Соболев не смог найти ре-

шение ни в жизни, ни в творчестве. Роковая раздвоенность не давала прибиться ни к тому, ни к другому берегу. "Да, конечно, Саша. Разве евреи бывают Сашами? Есть Айзики, Мендели, Нахманы, а еврейские Саши — это ни к селу, ни к городу, это комично" — так рассуждает герой романа "Пыль". Эта "комичность" оборачивается драмой не только героя, но и самого писателя, в душе которого, как и в творчестве, неизменно звучало два голоса: Андрея Михайловича Соболя и Израиля Моисеевича Собея.

В произведениях 1913-1916 гг. А.Соболь, отходя от "еврейской" темы, обращается к более общей проблеме бытия отдельной личности в современном мире. При этом особое внимание он уделяет изображению неразрывных и сложных связей между человеком и общественной средой, окружающей его, порождающей и формирующей его сознание. Сюжетная канва рассказа "Ростом не вышел" (1914-1916гг.) весьма традиционна для автобиографического повествования и "завязывается" на трех основных этапах становления личности: детство, отрочество, юность. При этом прослеживается взаимосвязь личностного развития с социальной средой, в которой оно происходит. Все это — общий момент во всех автобиографических произведениях, тем более связанных с обывательской средой и жизнью "дна", корпус которых ко времени написания А.Соболем своего рассказа уже был достаточно обширен. Детство героя Петьки Королькова проходит в публичном доме, отрочество — "в людях" у разных хозяев, а юность — в воровских притонах. Этим обусловлено и своеобразие свойств его характера. Развитие сюжетной линии традиционно, гораздо более интересной представляется нам авторская концепция героя "дна", существенно иной чем те, что сформировались к тому времени в литературе.

Характерная для русской гуманистической традиции проблема пробуждения прекрасного в человеке обычно воплощается в литературе в типичном сюжетном ходе, когда человек, отличавшийся духовной слепотой, безжалостностью, черствостью и жестокостью, вдруг в определенных обстоятельствах прони-

кается ощущением красоты и хрупкости жизни и проявляет лучшие стороны своей души — сострадание, сочувствие, заботу о слабом и беззащитном (В.Короленко "В дурном обществе", Л.Андреев "Ангелочек", "Предстояла кража", "В подвале" и др.). У А.Соболя совершенно иная ситуация. По Соболю, человек, который не знал прекрасного и чистого, не распознает, не понимает, что это такое. Сам не видевший добра и сострадания, Петька не способен к сочувствию, любви, жалости. Бывший "униженным и оскорбленным", на своей шкуре испытывавший власть более сильных, Петька, сам став сильным, реализует известный ему стереотип поведения. Он не может быть другим, так как не знает, как это — быть другим.

В третьем параграфе предпринимается попытка представить концепцию личности, формирующуюся в дореволюционном творчестве писателя. В произведениях А.Соболя 1910-х гг. выносятся на первый план и подвергаются пристальному рассмотрению различные доминанты образа героя — личностно-психологические особенности (ранние лирические стихотворения), национальная принадлежность и своеобразие самоидентификации ("Мендель-Иван", "Песнь песней", "Пыль" и др.), социальное происхождение ("Ростом не вышел", "Русалочки"). Однако, при всех различиях внешних обстоятельств и формальных признаков, его героев объединяет некий единый внутренний стержень — при всей разнице воплощений образа героя в произведениях А.Соболя можно вычленить ряд личностно-психологических свойств, неизменно ему, герою, присущих.

Все герои А.Соболя, по его же собственным словам, — "люди прохожие" в вечном поиске "правды, имени которой нет названия". Однако в большинстве своих произведений А.Соболь выводит героя (безымянный герой-повествователь "Мои сумасшедшие", Александр "Пыль", Гиляров "Салон-вагон", Яков Балцан-Александр Гомельский "Печальный весельчак", Игорь "Человек за бортом" и др.) или систему взаимоотражающихся героев (повествователь — Зыбин — Тихоходов "Люди прохожие",

Позняков — Богодул "Бред" и др.), существенные черты характера и мировоззрения которых как будто сливаются воедино, дополняя и раскрывая друг друга, обнаруживая единый, целостный образ, проходящий через все творчество писателя и являющийся его организующим центром.

Особенностью героя является его предельная автобиографичность. А.Соболь создает свои произведения, не просто используя собственный жизненный опыт в качестве художественного материала, он сам словно становится прототипом своего героя, наделяя его собственными чертами характера, фактами своей биографии, своими словами и мыслями, что подтверждается практически буквальным совпадением отрывков из автобиографических и собственно художественных текстов писателя. Канва жизненного пути героев из произведения в произведение практически не изменяется. Мы попытались выделить его основные этапы. Герой живет в определенной среде: Александр ("Пыль") среди революционных эмигрантов, Мендель-Иван в одноименном рассказе среди заключенных, Нахман ("Человек с прозвищами") в еврейском местечке, Петька ("Ростом не вышел") в люмпенской среде, Тихоходов и Зыбин — в революционном подполье, считая сложившиеся устои, правила и нравы нормой бытия и потому молчаливо с ними соглашаясь и принимая или даже в полный голос отстаивая. Однако после некоторых событий (теракт, гибель сына, самоубийство Мины, личные драмы жены Зины и сестры Дуни) герой словно прозревает и начинает видеть мир не сквозь призму обыденного сознания, не сквозь дымку успокаивающего "так принято, так надо, так должно быть", а таким, какой он есть на самом деле. Лишенный привычного стереотипа восприятия (бытового или революционного — в данном случае не важно) мир предстает перед героем в резких контурах и контрастных красках. Ситуации прозрения неизменно сопутствует отчаяние — отчаяние человека, оказавшегося на распутье, осознавшего непрочность, а чаще всего и гибельность основ своего существования, прежней системы цен-

ностей, но еще не обретшего новых. Мир переворачивается, и парадоксальным образом все встает на свои места. То, что казалось нормой с позиции прошлого, оборачивается аномалией с точки зрения настоящего. Эта игра гранями "норма-аномалия", "рациональное восприятие мира-сознание сумасшедшего", "явь-бред", "реальное-ирреальное" будет присутствовать почти во всех произведениях А.Соболя 1920-х годов.

Прозрение ставит героя перед необходимостью выбора: либо жить в привычной системе координат, что ведет к серьезному внутреннему конфликту, либо коренным образом изменить стиль жизни, направление поиска, сориентировав его в соответствии со своим новым мироощущением. Оно приводит не только к переоценке окружающего мира, но и к осознанию ответственности за все, в нем происходящее, к пониманию необходимости собственного, пусть безрассудного, но действия.

Герой А.Соболя всегда существует на грани необходимости и невозможности выбора. Эта ситуация весьма характерна для экзистенциального мировоззрения начала XX века. Движущей силой бытия становится человек, находящийся в том состоянии, "когда почва уходит из под ног", а "человек все-таки продолжает жить без почвы или с вечно колеблющейся под ногами почвой", но "он перестает считать аксиомы научного познания истинами, не требующими доказательств, ... он перестает считать их истинами и называет ложью" (Л.Шестов)¹. Этот человек начинает путь к своей истине, но для этого "нужно перестать дорожить безопасностью и быть готовым никогда не выйти из лабиринта" (Л.Шестов)². У этого человека нет страха перед хаосом, это Адам нового времени, познавший, может быть, самое страшное — безнадежность.

Во **второй главе** рассматривается послереволюционное творчество А.Соболя. Революция станет точкой отсчета, обозначившей собой новую систему координат и в жизни, и в творчестве

1. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. // Шестов Л. Сочинения. М., 1995. С. 183.

2. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. // Шестов Л. Сочинения. М., 1995. С.201.

писателя. Каторга в свое время развенчала идеи сионизма и привела А.Соболя к эсерам, эмиграция заставила разочароваться в романтике террористического движения, а реальность первой мировой войны, открывшаяся комиссару Временного правительства весной 1917 года, разрушила романтизированный образ революции и ее защитников. Можно сказать, что революцией для А.Соболя были Февральские события, а Октябрь так и остался восстанием, переворотом, когда знамя революции было сорвано, а "вместо него поставлено другое, черное и кровавое"¹.

В первом параграфе проанализирован роман "Бред" (1917-1919гг.), в котором автор пытается показать, как зарождаются в сознании людей революционные идеи, как выплескиваются потом кровавым бунтом, неумным, непредсказуемым. Самым значимым в контексте романа становится образ, вынесенный в заглавие. "Бред" оказывается смысловой и формообразующей доминантой текста, воплощаясь на всех уровнях текстового пространства. Прежде всего внутреннее состояние персонажей на протяжении всего романа являет собой картину клинического бреда в его различных проявлениях от внезапной истерики Татьяны до горячечного бреда Богодула, от полубреда-полугрез Натальи до "систематизированного бреда" Познякова, преведшего к формированию в его сознании сверхценных идей. Психическое состояние основных героев романа подвержено патологическим изменениям, деформация их сознания и мировосприятия становится не только психологической характеристикой персонажей, но задает определенный стиль повествования. Значимость обретает и внутренняя, смысловая сторона бреда, и его формальная выраженность. Дискурс измененного состояния сознания используется как художественный прием, позволяющий передать субъективное мировосприятие героев и их сиюминутную реакцию на внешние обстоятельства.

Резкий контраст экспрессивной, сбивчивой речи персонажей с неторопливой и размеренной речью повествователя уси-

1. Цит. по: Хлавна С. Обожженные лавой // Новости недели. Иерусалим. 10.07.1996.

ливают ощущение катастрофичности происходящего. Если для речи повествователя характерна гармоничная ритмическая организация и формальная упорядоченность, осуществляющаяся за счет паронимических, тематических, синтаксических, лексических и звуковых повторов, что позволяет создать картину мира, в которой "господствует архаический циклично-парадигматический порядок"¹, характерную для орнаментальной прозы, то в речи персонажей (особенно Познякова как предельно контрастного образу повествователя) преобладают элементы экспрессионистской поэтики — "рваный" ритм, спонтанное, ассоциативное построение синтагм, нагромождение тавтологических оборотов и лексических рядов, построенных по принципу возрастания экспрессивности, передающие хаотичность, расчлененность и катастрофичность мира.

А.Соболь сталкивает в своем романе две системы миропонимания (героев и повествователя), два типа мышления и использует для их текстового воплощения формальные и образные средства вышеназванных художественных тенденций, наиболее адекватных данным типам сознания, создавая, таким образом, синтетическое формально-смысловое единство в пространстве одного текста.

Во втором параграфе рассматривается творчество А.Соболя рубежа 1910-1920-х гг. Объектом анализа становится повесть "Салон-вагон", в которой максимально полно раскрывается образ "кочующего" из произведения в произведение героя и проявляются основные параметры поэтики. История салон-вагона, комиссара Временного правительства Гилярова и барышни Тони, генерал-губернаторской внучки, чей дедушка был в свое время хозяином "голубенького вагона", восходит к сюжету о всемирном потопе мировой войны и социалистической революции в отдельно взятой стране, о чудесном салон-вагоне, подобно Ноеву ковчегу блуждающем в бескрайнем пространстве потерявшего свой привычный облик мира, и о тех, кто пытается спастись на этом ковчеге. Однако в повести А.Соболя библейские мотивы становятся не

1. Шмид В. Проза как поэзия. М., 1998. С. 306.

просто метафорой, но оказываются внутренним стержнем повествования. Помимо лежащего на поверхности сюжета Всемирного потопа и образа Ноева ковчега, в повести постоянно проявляются еще два библейских сюжета: постройка Вавилонской башни и искупительная жертва Христа.

Строительство Вавилонской башни у Соболя предстает как метафора революционного движения и построения новой жизни ("пошла старая Россия прахом, восстала новая"). А. Камю, одним из первых обратившийся к исследованию природы и сущности бунта как такового, использует эту же метафору, указывая в качестве источника Достоевского, который считал, что "рабочий вопрос... по преимуществу есть ... вопрос современного воплощения атеизма, вопрос Вавилонской башни, строящейся именно без Бога"¹. Образ Вавилонской башни в религиозной и литературно-философской традиции становится символом "бунта против удела человеческого" и "веры во "всемогущество Человека"². В ней определена окончательная цель этого штурма, разительно отличающаяся от изначальной: по Достоевскому, "бунтарский дух ставит перед собой цель переделать творение дабы утвердить господство и божественность людей", но башня строится "не для достижения небес с земли, а для сведения небес на землю"³; по Камю, "бунтарь хочет... построить царство справедливости...", что в итоге оборачивается желанием "пленить царя небесного и сначала провозгласить его низложение, а затем приговорить к смертной казни", то есть "раб начинает с требования справедливости, а заканчивает стремлением к господству"⁴. К страшному прозрению — осознанию огромной пропасти, что лежит между чистой идеей и ее воплощением, между идеальными, возвышенными целями и ее реальным земным достижением, приходит герой повести. Уже на фронте Гиляров осознает крах того революционного движения, участником которого он был, и гибельность пути, по

1. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 164.

2. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 136.

3. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 164.

4. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 136.

которому пошла Россия, стронутая революцией. Прозрение приводит Гилярова, как и большинство героев Соболя, к осознанию собственной ответственности за все происходящее, необходимости действия, которым станет безрассудная попытка Гилярова спасти "волосатого генерала со шрамом поперек лба". Смерть Гилярова под ударами ружейных прикладов напрямую отсылает нас к искупительной жертве Христа. Однако, как Вавилонская башня нового времени строится не для того, чтобы достичь неба, но для того, чтобы спустить его на землю; как новый потоп революции оказывается потопом без Ноева ковчега; так и искупительная жертва Гилярова не становится спасением. Человек, стремившийся к революции, прошедший ради нее и каторгу, и изгнание, всю свою жизнь положивший к ее ногам и безжалостно ей уничтоженный, соболевский Гиляров стал одним из первых в ряду героев идеи, судьбы которых будут "закатаны" революционным "колесом" (А. Тарасов-Родионов "Шоколад", 1922; В.Зазубрин "Щепка", 1922-1923; И.Эренбург "Жизнь и гибель Николая Курбова", 1923; Б.Пильняк "Повесть непогашенной луны", 1926 и т.д.).

Раздробленность, разорванность самой реальности у А.Соболя, как и в произведениях других авторов 1920-х гг., становится принципом организации текста, проявляясь на всех уровнях построения произведения. Идет активный поиск нового языка, способного передать неустойчивость и изменчивость бытия. Разворачивание текстовых фрагментов, как звеньев цепи, стремление охватить как можно большее количество деталей и наделять их символическим смыслом, желание уложить в пространство текста все, выхваченное взглядом, подчеркнутое искажение пропорций — все эти приемы из арсенала экспрессионистской поэтики становятся общим местом в литературе 1920-х гг. (Б.Пильняк, А.Веселый, В.Зазубрин, Вл.Лидин, И.Эренбург). В русле этих поисков движется и А.Соболь.

Стремление вместить в плоскость текста объем мира обуславливает выбор способа построения текста, близкий эстетике экспрессионизма, когда раздробленность повествования дает эффект

его объемности. Главным принципом разворачивания сюжета у Соболя становится стремление к обобщению, которого он пытается достичь путем "дефрагментации", проявляющейся в гипертрофированном внимании к отдельным деталям, чертам характера, возведенным в абсолют, заслоняющим собой другие и призванным не столько рисовать достоверную картину действительности, сколько передавать ощущение этой рвущейся на части реальности и состояние человека, оказавшегося на точке разрыва.

Третий параграф освещает последние годы жизни писателя и раскрывает его литературную деятельность в 1923-1926 гг. После революции в литературе "перекатавасенной России" А.Соболь пытался найти точку опоры, пытался определить ту точку писательского видения, с которой можно было бы охватить всю панораму современной ему действительности. А.Соболь писал о том же герое, образ которого сложился в его произведениях к 1917 году, пытаясь угадать его дальнейшую судьбу в развороченной революцией и гражданской войне стране. Одна на всех до определенного момента биография "героев-отражений" (эсер/бундовец, агитатор/террорист, арест, тюрьма/каторга, эмиграция, первая мировая война, разочарование в юношеских идеалах), которую мы прослеживали в повестях и рассказах конца 1910-х, в рассказах 1920-х годов, начинает распадаться. С определенного момента все автобиографические совпадения оказываются в дореволюционном прошлом героев. Писатель словно ведет некую игру, предлагая своим героям различные варианты судеб: от красного комиссара ("Княжна") до шпиона-контрреволюционера ("Человек и его паспорт"), от атамана белоказачьей банды ("Мимоходом", "Когда цветет вишня") до предводителя коммуны анархистов ("Паноптикум"), от вора-налетчика ("Китайские тени") до бесприютного бродяги, меняющего свои имена, как города и страны ("Старая история", "Перевал"). Но оказывалось, что у его героя нет будущего в новом мире: в финале все они либо погибали, либо пропадали без вести, либо кончали с собой. В этих своих произведениях А.Соболь, по словам Д.Горбова, показывал человека "в тот момент, когда ему надлежит сделать

выбор между двумя роковыми решениями, между двумя мирами". Но у героя — "человека с опустошенными нервами, с остановившейся чувствительностью и даже с пустыми, такими же, как его сердце, глазами"¹, уже не было сил ни на любовь, ни на ненависть, ни на революцию, ни на контрреволюцию, поэтому единственно возможным выбором становится отказ от него — и герой либо совершает самоубийство, либо провоцирует собственную гибель, выбирая стиль поведения, неизбежно ведущий его к смерти (Гиляров в "Салон-вагоне", атаман Дзюба в "Когда цветет вишня", поручик Дмитрий Смоляков в "Китайских тенях", безымянный герой в "Человеке и его паспорте").

А.Соболь мучительно пытается принять решение — обрести твердую почву под ногами и найти свое место в новой литературной ситуации. Примером тому, его статья "Косноязычное" с подзаголовком "О советской литературе", в которой писатель объясняет свою позицию по отношению к современной литературе и своему в нее вкладу и пытается отстаивать право на собственное слово. Современным писателям, по мнению Соболя, свойственно копание в мелочах, стремление к эпатажу и экзотике, сочетающееся с отсутствием "искрометной динамики" и живого образа "человека страстей, порывов, боренья", что породило шаблонную революционную беллетристику, но ни в коей мере не позволило нарисовать картину революционных перемен.

Отсутствие внешней раздробленности, постепенное преодоление реального хаоса ничего не изменит в сознании писателя. Как в первые пореволюционные годы он писал о развороченной революцией и войной России и о неустойчивости, предельности бытия сознания в ситуации постоянной неустроенности, так в 1925-1926 он будет писать о душе, развороченной и сожженной любовью, судьбу которой, однако, попытается устроить ("Повесть о голубом покое"). Это произведение разительно отличается от предыдущих не только введением нового материа-

1. Горбов Д. Дневники обнаженного сердца // Красная новь. — 1926. — №8. — С.199.

ла, занимательного сюжета, но и, прежде всего, новым, необычным для Соболя эмоциональным тоном. Лейтмотивом повести становится жажда жизни, за которой все-таки проглядывает типичная соболевская безысходность.

В послевоенные годы налаживающегося быта (1923-1926) А.Соболь будет продолжать искать опору — и в жизни и в творчестве. В жизни примером тому станет работа в Союзе писателей, попытка построить семью, найти себя в журналистской работе. В творчестве — обращение к новому содержанию (авантюрные, любовные сюжеты), поиски нового языка (обращение к сказовой форме), оттачивание старых приемов (экспрессионистской передачи катастрофичности индивидуального бытия). Он пытался влиться в поток стремительно меняющейся жизни, уловить ее новый ритм, ее потребности, следовать "соцзаказу", но глубокая внутренняя надломленность и, при тонком чувствовании времени, неумение под него подстраиваться приведут А.Соболя к самоубийству.

В заключении обобщены результаты исследования. Исследование литературной личности — всегда лишь попытка реконструкции, предпринимаемая на основании изучения обширного массива биографических фактов, текстов, созданных писателем, общекультурного контекста, в рамках которого он воспитывался, формировался как личность, а затем реализовывался как творческая индивидуальность. Ему должно предшествовать изучение творческой биографии, которое позволяет систематизировать сведения о жизни и творчестве писателя, наметить творческую эволюцию и ее характер и рассмотреть основные произведения.

В нашей работе мы провели биографическое исследование, проследив жизненный и творческий путь А.Соболя, осуществили попытку систематизированного описания всего корпуса художественных и публицистических произведений, проследив эволюцию взглядов писателя, предложили интерпретацию его творчества как динамически развивающегося целого. Однако творчество А.Соболя как яркого представителя литературы первой

трети XX века требует дальнейшего осмысления и, возможно, более пристального внимания к отдельным произведениям как в контексте всего творчества писателя, так и в контексте литературы 1910-1920-х годов.

Проведенная работа создает основу для более полного биографического исследования, которое позволит углубить наше представление не только о личности художника, но и об общественно-литературной жизни того периода; а также рассмотрения творчества писателя в широком историко-литературном контексте, в теснейшей взаимосвязи как с социальными, так и с общекультурными тенденциями; сопоставления процесса и результатов творческой деятельности А.Соболя с особенностями художественного сознания и творческим поведением писателей, близких ему в биографическом и творческом плане.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Творческое наследие А.Соболя в русской литературе начала XX века // XI Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры: Сб.ст. Ч.2. М., 1999. — С.62-64.

2. "Сердце женское" и эпоха исторического перелома // Русская женщина -2: Женщина глазами мужчины: Мат-лы. Междунар.теор. сем. — Екатеринбург, 1999. — С.36-41.

3. А.Соболь и еврейские политические партии. // Мат-лы 6-й ежегодной междунар.междисциплинарной конф. по иудаике. М., 1999. С.

4. Творчество А.Соболя в критике 1910-1920-х гг. // Мат-лы 7-й ежегод.междунар. междисц.конф. по иудаике. М., 2000. С.249-252.

5. Проблема национальной самоидентификации в творчестве А.Соболя // "Тирош" — труды по иудаике. Вып.4. М., 2000. С.171-182.

Подписано в печать 26.02.02г. Формат 60х84 1/16.
Печать офсетная. Бумага типографская. Усл.печ.л. 1.
Тираж 100. Заказ № 56.

620083, Екатеринбург, К-83, пр.Ленина, 51. Типолаб.УрГУ